

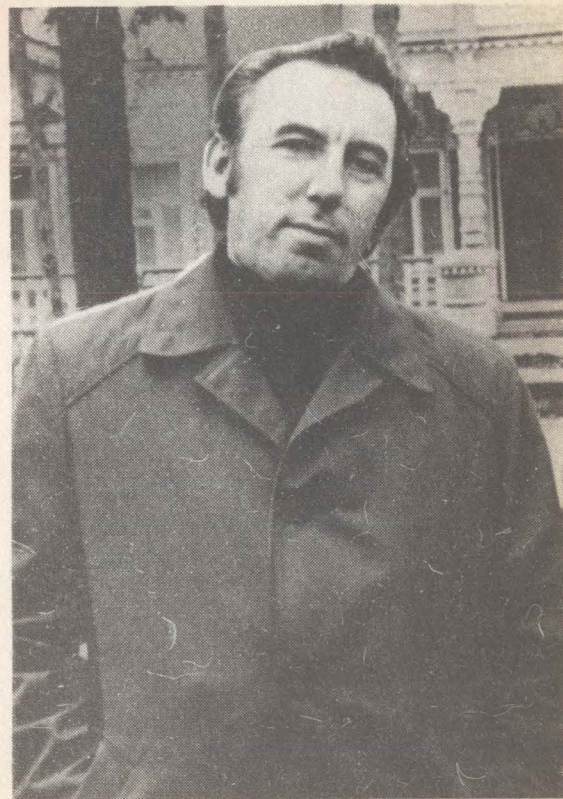
**В СЕРИИ «БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»
В ЭТОМ ГОДУ
ВЫШЛИ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:**

- О. МАНДЕЛЬШТАМ «Четвертая проза»;
 Е. РЕЙН «Непоправимый день»;
 В. НИКОЛАЕВ «Горсовет по-американски»;
 С. ЛИПКИН «Угль, пылающий огнем»;
 Г. АКСЕНОВА «Театр на Таганке: 68-й и другие годы»;
 И. ЭРЕНБУРГ «Неправдоподобные истории»;
 Л. ЧУКОВСКАЯ «Сверстнику»;
 Р. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ «Бессонница»;
 К. БАЛЬМОНТ «Где мой дом?»;
 Ю. КАРАБЧИЕВСКИЙ «Незабвенный Мишуня»;
 В. РЕЦЕПТЕР «До третьего звонка»;
 Б. ЗАЙЦЕВ «Братья — писатели»;
 М. КВЛИВИДЗЕ «Продолжение следует»;
 Г. БЕЛАЯ «Затонувшая Атлантида»;
 А. АНАНЬЕВ «Конец опричнины»;
 Б. ПЕТРОВСКИЙ «Два человека — одно сердце»;
 В. СЕЛЮНИН «Все у нас получится»;
 Н. ЗАБОЛОЦКИЙ «История моего заключения»;
 В. КОСТИКОВ «Сумерки свободы»;
 Е. ДОБРОВОЛЬСКИЙ «Заполярные ангелы».

ISSN 0132-2095. Б-ка «Огонек», 1991. № 21. 1—32.

ОГОНЕК

МОСКВА

Алексей ПЬЯНОВ

УТРЕННИЕ ПТИЦЫ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 21

Издается с января 1925 года

Алексей ПЬЯНОВ

УТРЕННИЕ ПТИЦЫ

СТИХИ

Москва. 1991

Алексей ПЬЯНОВ

Алексей Степанович Пьянов родился в 1934 году в г. Уссурийске Приморского края.

После окончания факультета журналистики Ташкентского государственного университета работал в газетах и на телевидении. Редактировал тверскую молодежную газету «Смена», был заместителем главного редактора журнала «Юность». В последние годы — главный редактор журнала «Крокодил».

А. Пьянов — автор книг о жизни и творчестве Пушкина: «Берег, милый для меня», «Мои осенние досуги», «Под голубыми небесами», сборника очерков «Поездка в Берново». Им написаны несколько сборников стихов и литературных народий: «Явление весны», «Оплошали мужики», «Что посеешь», «Ода ямбу», «Реквием по роману».

Проза и стихи А. Пьянова публиковались в Польше, Болгарии, Чехо-Словакии, Венгрии, переводились на языки народов нашей страны.

ЛИРИКА

УТРЕННИЕ ПТИЦЫ

Еще не высохла роса,
Еще не выцвела луна,
Но слышу — птичьи голоса
Уже поют рождение дня.

Как эта песня высока!
Ей откликаются окрест
Туманом скрытая река,
И мокрый луг, и темный лес.

Они поют не напоказ.
Как эта песня хороша!
И каждый раз, как в первый раз,
Ей откликается душа.

* * *

В дремотной тишине сосновой
Синица пробивает брешь...
Соотнеси себя со словом,
Семь раз отмерь, один отрежь.

Соотнеси себя с судьбою
Своей земли, своей страны.
Сумей подняться над собою
И поглядеть со стороны

На то, что для других, быть может,
Не стоит медного гроша,
Но без чего прожить не сможет
Твоя бессмертная душа.

* * *

Не ругай этот дождь обложной,
Что висит дымовою завесой.

Пусть шатается полем и лесом,
И шуршит за досчатой стеной.

Мы закончили наши дела,
За которые были в ответе...
Лето кончилось.
Осень пришла.
Будем думать о будущем лете.

* * *

Не обещай — не повторится
Минута эта никогда...
Как по команде смолкли птицы,
Погас закат. Взошла звезда.

Не обещай — ведь ты не властна
Ни удержать, ни повторить...
За то, что к ней была причастна,
Спеши судьбу благодарить.

ИЗ АВТОБИОГРАФИИ

С утра и до зари
Я был приставлен к делу.
В тайге на Уссури
Я пчеловодил с дедом.

Дрова пилил, колол.
Потом ходил в подпасках.
Потом пути полол
На станции Прохаско.

Никто мне не сулил
Ни хлеба, ни зарплаты.
Я корюшку солил
В голодном сорок пятом.

Огромная бадья
Вся в чешуе, как в жемчуге.

Навек запомнил я
Худых усталых женщин.

...В глазах плывут круги,
Рука моя немеет:
Я чищу сапоги,
Патент на то имея.

О сколько я сапог
Солдатам перечистил!
Всего, что в детстве смог,
Теперь не перечислить.

И если трудно будет,
Я жизнь не укорю.
За то, что вышел в люди,
Людей благодарю.

* * *

Политрук Пьянов под Сталинградом
В штыковой атаке был убит.
Скромные отцовские награды
Мать в комодке бережно хранит.

И когда по случаю Победы
Надевает ордена страна,
Вспомнив наши горести и беды,
Достает награды и она.

И глядят глаза ее незряче
На медали и на ордена.
И негромким материнским плачем
Снова в дом врывается война.

ЗАБЫТЫЕ СЛОВА

Среди этой кутерьмы,
В сумасшедшем этом ралли
Сколько слов мы растеряли,
Сколько слов забыли мы,

Сочных, точных, огневых,
Бесшабашных и печальных,
Родниковых, изначальных,
Наших русских, корневых.

Позабыто, позабыто
Золотое слово «жито».
А ведь «жито» — значит жать,
Жить, любить, детей рожать.

Ставить крепкие дома,
Горевать чужою болью,
Приглашать друзей к застолью,
Полнить хлебом закрома...

Не таю на век обиды.
У него свои орбиты,
У него свои права
Создавать слова-гибриды,
Синтезировать слова.

НОЧНЫЕ ПОЕЗДА

Ночные поезда
Грохочут по России.
За окнами — звезда
Свечою негасимой.

За окнами — весна
На переломе к лету,
За окнами — страна,
Родней которой нету.

За окнами — края,
Где никогда ты не был,
Где пахнет от жилья
Черемухой и хлебом.

Плывут из темноты
Огней сигнальных вешки...
Опять в дороге ты,
В делах, заботах, спешке.

Средь сумок, рюкзаков,
Соседей суетливых
Бранишь проводников,
Пьешь на вокзалах пиво.

И чувствуешь себя
Счастливей всех на свете,
Что выпала судьба
Края увидеть эти.

* * *

Я знаю:
Легкая удача —
Ошибочно большая сдача...

Чужой полтинник не схвачу.
От неудач давно не плачу.
Когда обидно — слезы прячу.
За настоящую удачу
Ценою полной заплачу.
Другой удачи не хочу.

* * *

И. П.

Мелькали платформы,
Стучали колеса...
Тогда я курил
«Беломор» папиросы,

Ходил в довоенных
Отцовских ботинках,
И стригся под бокс,
И носил восьмиклинку...

Огнем иван-чая
Горели откосы...
Тогда ты еще
Не отрезала косы.

И первой любви нашей
Долгое лето
Короткими встречами
Было согрето.

ЗИМА

Чернеет лес, белеют хаты,
Упав в сугробы серебра.
Зима на краски не богата,
Зато на линии щедра.

МОРЕ

Валерию Пьянову

1

А море похоже на прачку...
С утра начинается стирка.
Туман над водой клубится,
Как пар над горячим чаном.
Пахучая белая пена
С шипеньем летит на берег.
А море стирает, стирает,
Угрюмые драит скалы,
Лобастую гальку моет,
Усердно полощет пески.
Потом утихает к полудню
И сушит на ярком солнце
Утесы, пески и гальку,
Сверкающие чистотой.
А к вечеру — снова за дело.
И так — с сотворения мира:
Стирают, стирают, стирают
Моря свои берега...
Стою у воды потрясенный
И зависти не скрываю:
Какая верность работе!

8

Видано-перевидано,
 Но потрясает вновь.
 Море —
 Всегда неожиданно,
 Как и любовь.
 Море —
 Всегда событие,
 Праздник средь суеты.
 Море —
 Всегда открытие
 Собственной широты.
 Море —
 Точная мерка:
 Все перед ним равны.
 Море —
 Это проверка
 Собственной глубины.
 Беды, невзгоды, крушения
 В море забудешь ты...
 Море —
 Всегда свершение
 Самой дерзкой мечты.

Корабли как журавли,
 И совсем не странно,
 Что плывут корабли
 В дальние страны.
 А вдали от земли
 Всякое случается.
 И не все корабли
 В гавань возвращаются.
 Им уже никогда
 Не встречаться с нею.
 И становится тогда
 Море солонее
 Корабли как журавли,
 И совсем не странно,
 Что плывут корабли
 В дальние страны.

Давай поговорим о кораблях.
Забудем сухопутные заботы
И, вспомнив море синее за бортом,
Поговорим с тобой о кораблях.

Пусть мы уже давно не носим блях
С надраенными ярко якорями,
Но мы, как прежде, маемся морями...
Давай поговорим о кораблях.

Ты помнишь, мы ходили в королях,
А сами были робкими салагами,
Жонглировали «лоциями», «лагами»...
Давай поговорим о кораблях.

Там счастье измерялось не в рублях,
Там были справедливыми наделы.
Как палуба, спина у нас гудела...
Давай поговорим о кораблях.

В каких сейчас проливах и морях
Они на винт наматывают мили?
Пусть будет глубоко у них под килем...
Давай поговорим о кораблях.

И что поделать, если даже в снах,
Уютными домашними ночами
Нас волны океанские качают,
И зажигают солнце наших блях,
И комнаты в каюты превращают...

Давай поговорим о кораблях!

БАЛЛАДА О ПУТЕВОМ ДВОРЦЕ

О. Колому

Погожий майский день,
Веселый, бестолковый.
Свирепствует сирень
У сквера Казакова.

А рядом, как ларец,
Под солнцем серебрится
Классический дворец —
Его, а не царицын.

Хоть строил для нее,
Приказ имея грозный,
Дорожное жильё
Туристке венценосной,

Коли случится ей —
По делу ль, для потехи —
По вотчине своей
С удобствами проехать.

Он молод был, упрям,
Он набирался силы.
И строить не царям
Мечтал он, а России.

Он все изведal сам,
Постигнув тайны дела.
Взбирался на леса,
Клал кирпичи умело.

И с кельмою в руках
Аж до седьмого пота.
Теория крепка,
Когда под ней — работа.

Задумал дерзко он,
Традиции нарушив,
В незыблемый канон
Вдохнуть живую душу.

Чтоб, упираясь в твердь,
Стоял дворец веками...
Для Казакова Тверь
Была как пробный камень.

На берегу реки,
У питерской дороги,
Тверские мужики
Сработали чертоги.

Классическая спесь
Живуча и упряма.
Но было что-то здесь
От хаты и от храма.

Но было что-то здесь
От снов его тревожных.
Теперь он видел — есть!
Теперь он знал — возможно!

Рубеж преодолен.
Окончено ученье.
Теперь поверил он
В свое предназначенье.

Пусть будет путь суров,
Пусть цель еще не близко...
Собрал он мастеров
И поклонился низко.

Уехал на заре..
Два века пробежало.
Царица в свой дворец
Не часто заезжала.

Стоит он над рекой,
Легендами овевая,
В истории тверской
Автографом Матвея.

СТАРИЦА

*В лето 1297 срублен бысть город на Волзе, ко
Зубцову, на Старице.*

Тверская летопись.

Я опять сюда приехал
Пароходом по реке.
Здесь бывшее, словно эхо,
Слышно в каждом уголке.

Здесь легенды и преданья
Встретишь среди бела дня.
Белокаменные зданья
Тайны вечные хранят.

Орудийные раскаты
И гостей заморских речь,
Что бывали здесь когда-то,
Городок сумел сберечь.

Долго в люди выбивался,
Знал разор и кабалу.
Помнит пушкинские вальсы
На вельяшевском балу.

До сих пор он ждет поэта,
Что прощался, говоря:
«Через год опять заеду
И влюблюсь до ноября».

Обещание просрочил —
Не заехал через год,
Но улыбка этих строчек
В древней Старице живет...

Летний день высок и ясен.
Купола горят огнем.
Город Волгой подпоясан,
Как серебряным ремнем.

А над ним — святым и грешным,
Набежав издалека,
Как века, плывут неспешно
Золотые облака.

ПУШКИН. ОСЕНЬ 1828 ГОДА

В журналах опять оболгали —
Как шумно ликуют враги...
И пишет доносы Булгарин,
И держат за горло долги.

«Борис Годунов» — под запретом.
В Синоде Сибирью грозят,
И Анна с опальным поэтом
Судьбу не рискует связать.

Сомненья. Наветы. Утраты.
Нападки. Дознания. «Дела».
А юность ушла безвозвратно,
А юность на ссылки ушла.

Трактиры. Перекладные.
Один. Ни двора, ни кола.
Он службу несет по России.
Но как же она тяжела!

Чиновник десятого класса,
Что вольность восславить дерзнул,
Еще от жандарма не спасся,
А только на миг ускользнул.

В салонах азартно болтают,
Что он искушает судьбу...
Скорей бы закончить «Полтаву»
И к черту послать Петербург.

В деревню! По собственной воле,
Где был по монаршей вчера.
В деревню! Куда ж ему боле?
Октябрь. Наступила пора.

* * *

И вдруг
Негаданно, неожиданно
Свернет в Берново шестерик.
«Приехал Пушкин!» —
Вскрикнет Анна...
Как долго слышен этот крик.

БЕРНОВО

Пути судьбы его изменчивой
Однажды привели сюда.
С тех пор Берново с ним повенчано
Не на года, а навсегда.

О эти осени венчальные,
Лесов октябрьских торжество!
Они срифмованы печальями
И светлой радостью его.

Две осени — одно мгновение...
Он в старицкой обрел глуши
Желанное уединение,
Целительный покой души.

...Бегут тропинки заповедные
На горку с именем Парнас,
Звенят на дубе листья медные,
И свет в окошке не погас.

Я знаю, не погаснет вечно он,
В ночи мерцая, как звезда...
Берново с Пушкиным повенчано
Не на года, а навсегда.

* * *

А. Дементьеву

Когда тебе бывает тяжело,
Когда сомненья не уходят долго —
Иди без промедления на Волгу,
Бери байдарку, легкое весло.

Едва отвяжешь ты конец причальный —
Река, как мать, заговорит с тобой.
Растает мигом снег твоей печали
И станет каплей Волги голубой.

И здесь забудешь ты о суете,
Сомнения тебя не будут мучить.

Великая река тебя научит
Простору, постоянству, простоте.

БОРИСОВ-МУСАТОВ

Робкий рассвет.
Тишина и покой.
Только кукушка
Над сонной рекой.

Сколько сегодня
Ему накукует?..
Сбился со счета,
Пошел в мастерскую.

Краски попробовал
Кистью упругой,
Долго смотрел
В уходящую тьму...

Думал сначала,
Что «Реквием» — другу,
Но оказалось —
Себе самому.

НЕЗНАКОМКА

В конце последнего урока
Учительница нам читала Блока.
Мы с «Незнакомкой» не знакомы были,
Мы «Незнакомку» первый раз открыли.
Сидим, очарованьем опьяненные.
А перед нами — синие, бездонные
Глаза,
В которых радость и печаль.
Мы видим перья страуса склоненные
И видим очарованную даль..
Шурша своей тетради желтой листиками,
Она нашла закладку наконец.
Сказала громко:
«В общем, это мистики

И декадентства яркий образец...
А мы недалеко ушли от детства,
И мы не знали слова «декадентство».
Впервые нам она читала Блока,
Но мистикой не показалась грусть...
Вот с этого давнишнего урока
Я «Незнакомку» помню наизусть.

* * *

Семафоры. Светофоры.
Электричек голоса.
Сыплют листья на платформы
Подмосковные леса.

В Чуприяновке рябины
Тихим пламенем горят,
Серебрятся паутины —
Середина октября...

* * *

Светославу Благову

В Ташкенте ночи музыкальны.
Презрев законы тишины,
Поет цикад квартет вокзальный
В сопровожденье беданы*.
Летят полночной птицы крики,
Шумит каштан, журчат арыки,
В Анхоре плещется волна,
На ней луны играют блики,
А над Ташкентом — тишина...

АКТАШ

Теперь ты многое отдашь,
Лишь стоит ненароком вспомнить,

* Перепелка (узб).

Чтобы опять попасть в Акташ
И поселиться в том же доме,

Где под окошком алыча,
Светящаяся соком алым,
Где, нас пугая по ночам,
Тоскливо плакали шакалы,

Где грохотал студеной сай —
Лихая горная речушка,
И целый день зеленый чай
Дымился в пестрых пиалушках.

По обе стороны реки
Шумят тенистые дубравы,
И горы, словно старики,
Так недоступно величавы.

Здесь забываешь про дела,
Здесь жизнь естественней и проще.
Тебе поют перепела,
Тебе прохладу дарят рощи.

Тебе — вся эта красота.
Ее забудешь ты не скоро...
Здесь отступает суета.
Здесь только ты
И только горы.

АЛЬ-МААРРИ*

Как говорится, волею судеб
аль-Маарри был немощен и слеп.

И все же к нам дошел через века:
Ему поводырем была строка.

* Великий арабский поэт (973—1057 гг.).

Уже нигде и никогда
Мне не избавиться от Севера.
Там облака плывут,
Как сейнеры,
И тянут солнце в неводах.

Там над озерами скиты
Так отрешенны и незрячи
И ночь,
Как белая горячка,
Сильнее спирта сушит рты.

Там женщины иконолики,
Как будто их Рублев писал.
Там, может быть, еще калики
По темным шастают лесам.

...Хотел забыть,
Да мало толку:
От Севера лекарства нет...
Заброшу все,
Возьму котомку
И до Кеми куплю билет.

КИЖИ

Ире

Ну разве он забудется, скажи,
Тот остров, где с тобой мы кочевали,
Где нас рябины щедро врачевали,
Где нас учили мудрости Кижии?

Как нам свободно было и легко!
Унылая обычность не грозила...
Нам тетка вечерами молоко
С материка на лодке привозила.

И скрип уключин, будто бы орган,
Звучал в тиши торжественно и гордо.
Текучие мажорные аккорды,
Как эхо, повторяли берега.

На острове просторно в сентябре,
Величественно, праведно, неброско.
Соборы, как серебряная брошка,
Приколота к бархатной заре.

Онежская закатная вода,
Погост с позеленевшими крестами,
Где кижские строптивые крестьяне,
Отбушевав, остались навсегда...

Да, милостива к нам была судьба.
Нам все с тобой в ту осень удавалось.
Рябины горечь на твоих губах —
Она и на моих губах осталась.

* * *

Как женщина звонко смеется,
Как горько смеется она.
А что еще ей остается,
Когда остается одна.
Как сладко слезами зальется
И не утирает глаза.
А что еще ей остается,
Когда ты вернулся назад.

* * *

Уходят года,
Сокращаются сроки...
Что делать —
У жизни регламент жестокий.

Настанет пора,
И не будет отсрочки.
И кто-то напишет
Щемящие строчки.

«Как грустно!» — ты скажешь.
А я не согласен!
Да, жизнь — это миг,
Но зато он прекрасен.

В нем каждому выдана
Точная мера.
Ты вспомни —
Печальна судьба Агасфера.

И вовсе не это
У вечности имя.
Мы — вечны,
Но только делами своими.

Мы — вечны,
Другим отдавая себя.
Мы — вечны,
Страдая, творя и любя.

И после заката
Мы станем рассветом,
Травую, снегами,
Деревьями, ветром.

Веселым лучом
Возвратимся из тьмы.
Останётся память.
Останемся мы.

* * *

*Тьмы низких истин мне дороже
Нас возвышающий обман.*

Пушкин

Ты, мой друг, затеял это
Понапрасну.
Не сердись!
Биографию поэта
Не напишешь.
Не трудись.
Никакие ухищренья
Не помогут все равно:
И одно стихотворенье
Жизни может быть равно.

ИРОНИЧЕСКИЕ СТИХИ

ИЗДЕРЖКИ ГЛАСНОСТИ

(Сценка)

Два сердца влюбленных и юных
Друг друга внезапно нашли...
Играли волшебные струны,
Кругом анемоны цвели.

Любовь — это вечная тайна,
Продукт неразгаданных сил...
Они повстречались случайно.
«Как звать вас?» — он робко спросил.

Она, улыбнувшись невинно,
Хоть тряс ее страсти озноб,
Сказала: «Андреева, Нина...»
Он вскрикнул и рухнул, как сноп.

ИМЕНА ЭПОХ

Едва избавившись от бремени,
Что на плечах несла страна,
Даем мы прожитому времени
Вождей ушедших имена.

Оценивая наше прежнее,
И обличаем, и корим,
И все-таки «эпоха Брежнева»
Мы по привычке говорим.

Но вспомним-ка: эпоха злая,
Что Русь к Сенатской привела,
Не Александра с Николаем —
Эпохой Пушкина была!

ИЗ СОВРЕМЕННОГО ЛИТБЫТА

1. Ловчие и певчие

Канцоны и сонеты
Увяли, отцвели,
Поскольку все поэты
В воители ушли.
Не «чудное мгновенье»
В крови рождает жар —
Анкеты, заявленья
Теперь любимый жанр.
Сраженья групп и блоков,
Аж пыль столбом до звезд...
И только Виктор Боков
Поет себе, как дрозд.

2. Тень

Опять идут на стенку стенкою,
Как в прошлом веке мужики.
Отравленные стрелы мелькают,
И снова в моде ярлыки.
А кто же семя благородное
Посеет в праздных бороздах?
Опять вердикты «всенародные»
В журнальных слышатся судах:
Того казнить, того помиловать,
Тому воздать, того лишить...
Чернильной кляксой тень Ермилова
На нашей критике лежит.

3. Исконность

Если взять и разобраться,
Оторвавшись от сохи,
То не так уж трудно, братцы,
Выкомаривать стихи.

И обычай этот древний
Жив не только в городах.
Скажем, наша вся деревня
Шпарит в рифму — хоть куда!

Коль поищешь хорошенько,
То средь баб и мужиков
Каждый пятый — Евтушенко,
Каждый третий — Смеляков.

Пишут нынче все и всюду —
Все обучены письму...
Далеко ходить не буду,
Я себя в пример возьму.

Забродила кровь, как брага,
Рассупонилась душа —
Достаю клочок бумаги
И кусок карандаша.

Слово надо покорявей,
Например, «рукомесло»,
Чтоб исконность покоряла,
Чтоб посконностью несло.

Мы в избе родной — не гости,
Мы хозяева ее.
Ни к чему нам трость из кости,
Нам способнее дубье.

Нам милее «дроля», «краля»,
«Кошт», «загнеток», «ендова».
Мы займы берем у Даля
Сыромятные слова.

А для форсу — «ночи-очи»,
«Кровь-любовь», «пошел-нашел»...
Получается не очень.
Получаем хорошо.

4. Литературно-критическая считалка

Вышел критик
Из тумана,
Вынул «паркер»
из кармана
И в затылке
Стал чесать:
Про кого бы
Написать?
Объективно,
Остро,
Смело —
В глубину
И в ширину,
Чтобы слово
Прогремело,
Как набат,
На всю страну.
Чтоб разило
Конъюнктуру,
Ту, что хлещет,
Через край,
Мелкотемье
И халтуру...
Все, что хочешь,
Выбирай!
Но ведь этот —
Друг-приятель,
Хоть и серенький,
Писатель.
Тот и признан,
И мастит.
Скажешь правду —
Не простит.
Побратаешься
С бедой...
Вдруг —
Прозаик молодой
С первой книжкой
Под мышкой,
Хоть уже сутул и сед.
Рядом с ним —
Совсем мальчишка —
С первым сборником поэт
Сорока неполных лет.

Критик молвил,
Чуть не плача:
«Вот удача,
Так удача!»
Жилкой каждою
Дрожит:
«На ловца
И зверь бежит!»
Стал азартно
Потрошить —
Все равно ведь
Им не жить!

НЮ И НЮ!

(Субъективные заметки о театре)

I.

Кто сказал, что театр в застое?
Не иначе, как сноб-сибарит.
Наш театр удивленья достоин:
Он такое сегодня творит!

Распахнув перестройки ворота,
Выдав зрителю щедрый аванс,
Повенчал Мельпомену с Эротом
И справляет свой сексренессанс.

Ну какие там «Тани», «Отелло»,
Что не трогают даже юнца?!
Девы, дамы умело и смело
Обнажают не душу, а тело,
Потрясая сограждан сердца.
(Нет, читатель, я их не виню:
Нынче ню в театральном меню.)
Что ж, Европу умыли, не так ли?
В нас сильнее нудистский запал...
Я вчера, побывав на спектакле,
Словно в женскую баню попал.

II

Как просветляла их игра!
Не прячась, зрители рыдали,
Когда на сцене, а не в зале,
Кричали женщины «Ура!»
И в воздух лифчики бросали.
И лишь один сказал: «Мура!
В кино почище мы видали...»
Сосед на дурня заорал:
«Заткнитесь! Вы не театрал!»

ПЕРЕЧИТЫВАЯ ОМАРА ХАЙЯМА

1.

Мой юный друг, тебе совет я дам:
Не заменяй фломастером калам*.
Ведь главное — не чем, а как ты пишешь.
Поверь, что в этом знает толк Хайям.

2.

Несчастный! Ты чужие рубаи
В журналы предлагаешь, как свои.
Но ведь Аллаху все равно известно,
Кто курицы, кто соловьи.

3.

Не понять тебе, критик, поэтов дела,
Хоть за нами спешишь, закусив удила.
В нашей чаше вино, а в твоей что за жидкость?..
Вот куда кровожадность тебя завела.

4.

Мне говорят условностей рабы:
Омар, твои сравнения грубы.
По мне ж верблюд надежнее Пегаса —
В песках нужней не крылья, а горбы.

* Тростниковое перо (*араб.*).

ИЗ ЦИКЛА «У ЯЩИКА»

Где паровоз?

Уважаю реформы,
Но позвольте вопрос:
Всё платформы, платформы,
Ну а где ж паровоз?!

Блочный парламент

Блоки слева, блоки справа —
Выбирай на вкус и цвет...
Тут порадуешься, право,
Что хоть блока НАТО нет.

О перспективе

Мы подрубили
Корень древний,
И нам теперь
Платить сполна...
Неперспективные деревни —
Неперспективная страна.

Воскрешение

Как быстро вновь у нас воскресла
Традиции застойной прыть:
Из зала просят выйти прессу,
Чтоб «по душам» поговорить.

Итальянцы в России

Радуются взрослые и дети —
Интересно жить на белом свете!
Пусть не стало больше колбасы,
Но зато по фирме «Оливетти»
Всей страной сверяем мы часы!

Не дай Бог...

Я, исходя из реализма,
Скажу, печали не тая:
Не дай нам Бог дожить, друзья,
До «развитого плюрализма».

К вопросу о тарелках

В душе моей
Смятение и тревога:
Кого хулить?
Кому рукоплескать?
Летающих тарелок
Слишком много,
Обычных —
Днем с огнем не отыскать.

В Москве, на площади Пушкина

Что ж это сделали с народом,
Коль полстраны — и стар, и млад —
Здесь за канадским бутербродом,
Как в Мавзолей, с утра стоят?!

Мысли о вечном

Начинание человечно —
Снять с души безверия бремя,
Только чаще мысли о вечном
Навевает программа «Время».

Пути и дороги

По районным «автострадам»
Ни проехать, ни пройти...
Нам дороги строить надо,
Мы же все торим пути.

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ

Нам казалось, что навеки
И дубравы, и ручьи,
Океаны, степи, реки,
Те, что наши, но ничьи.

Думать было недосуг —
С песней мы рубили сук.

Ах, как лихо мы решали:
«Милостей не можем ждать!»
Орошали, осушали,
Поворачивали вспять.

Глаз чиновничий взалкал —
И под нож пошел Байкал.

Что ж ты делаешь, Россия!
Иль тебя попутал бес?
На озера Голубые
Посадила ты АЭС!

А ля гэрр ком а ля гэрр* —
Высыхает Селигер.

А в высоких кабинетах
Прежний метод верх берет:
«Для тревог резона нету,
Зря смущаете народ!
И вообще — об этом хватит!
И не наша в том вина.
Нам всего надолго хватит,
Мы — богатая страна...»

Нет, ребята, не надолго,
Это ясно и ежу...
Я под Старицею Волгу
Вброд уже перехожу.

* На войне как на войне (*франц.*)

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИРИКА

Утренние птицы	3
«В дремотной тишине сосновой...»	3
«Не ругай этот дождь...»	3
«Не обещай — не повторится...»	4
Из автобиографии	4
«Политрук Пьянов под Сталинградом...»	5
Забывшие слова	5
Ночные поезда	6
«Я знаю: легкая удача...»	7
«Мелькали платформы...»	7
Зима	8
Море	8
Баллада о Путевом дворце	10
Старица	12
Пушкин. Осень 1828 года	13
«И вдруг негаданно, нежданно...»	14
Берново	15
«Когда тебе бывает тяжело...»	15
Борисов-Мусатов	16
Незнакомка	16
«Семафоры. Светофоры...»	17
«В Ташкенте ночи музыкальны...»	17
Акташ	17
Аль-Маари	18
«Уже нигде и никогда...»	19
Кизи	19
«Как женщина звонко смеется...»	20
«Уходят года...»	20
«Ты, мой друг, затеял это понапрасну...»	21

ИРОНИЧЕСКИЕ СТИХИ

Издержки гласности	22
Имена эпох	22

Из современного литбыта	23
Ню и ню!	26
Перечитывая Омара Хайяма	27

ИЗ ЦИКЛА «У ЯЩИКА»

Где паровоз?	28
Блочный парламент	28
О перспективе	28
Воскрешение	28
Итальянцы в России	28
Не дай Бог...	28
К вопросу о тарелках	29
В Москве, на площади Пушкина	29
Мысли о вечном	29
Пути и дороги	29
Экологическое	29

ПЬЯНОВ Алексей Степанович

УТРЕННИЕ ПТИЦЫ

Стихи

Редактор А. Г. Панченко

Технический редактор Т. Я. Ковынченкова

Сдано в набор 4.03.91. Подписано к печати 10.04.91. Формат 70 × 108^{1/2}. Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать. Усл. печ. л. 1,40. Усл. кр.-отт. 1,58. Уч.-изд. л. 1,42. Тираж 90000. Заказ № 243. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.